

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Безъ доставки на годъ 7 р., на 6 мѣс. 3 р., на 3 мѣс. 1 р. 75 к., на 2 мѣс. 1 р. 25 к., на 1 мѣс. 65 к.

Съ доставкой и пересылкою на годъ 8 р., на 6 мѣс. 4 р., на 3 мѣс. 2 р., на 2 мѣс. 1 р. 50 к., на 1 мѣс. 75 к. Отдѣльные №№ въ конторѣ редакціи и въ магазинахъ по 5 к.

За перемѣну адреса иногородн. подписч. упла- тивъ 30 к., а городскіе, переходя въ иногор.,—50 к.

Подписка принимается съ 1-го числа каждаго мѣсяца.

Подписки нѣмца загранику: а) двѣ оны про- тивъ бездоставочныхъ шиль. Подписки и объявленія принимаются въ главной конторѣ редакціи (Кремлятинъ, № 36), отъ 10 ч. утра до 8 ч. веч., въ праздники отъ 12 до 3 ч. дня.

Адресъ титогр. газеты: Пушкинская 4.

КРЕВСКІЕ ОТКЛЫКИ

ЕЖЕДНЕВНАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ и ОБЩЕСТВЕННАЯ ГАЗЕТА.

УСЛОВІЯ ПЕЧАТАНІЯ ОБЪЯВЛЕНІЙ

За одну строку въ столбцѣ или въ нѣсколько строкъ текста за первый разъ 40 к., за каждый слѣ- дующій разъ по 20 к.; поэмы, тексты—за первый разъ 20 к., за слѣд. разы по 10 к. При объявленіяхъ объявленіемъ дѣляется соотвѣствующая уступка. Литературный трудъ, пользующійся успѣхомъ въ раз- мѣрѣ 50%.

Рукописи должны быть за подписью и адресомъ автора и подписаны, въ случаѣ не- добности, измѣненіемъ и сокращеніемъ. Желаю- щіе получать обратно напечатанныя рукописи должны приложить марки на пересылку. Мелкіе статьи, замѣтки и стихотворенія не возвращаются.

Редакція для личныхъ объявленій открыта ежедневно отъ 1 до 4 ч. дня.

Редакція и св. контора помѣщ.: Нрещ. 38. Тел. № 593

Послѣднія минуты.

„Рус. Вѣд.“ приводятъ выдержку изъ личнаго письма Г. Б. Юлоса къ редактору „Русскихъ Вѣдомостей“ о послѣднихъ дняхъ жизни незабвеннаго писателя.

„... Въ Люцернѣ, гдѣ я думалъ отдохнуть нѣсколько дней съ братомъ, меня вчера утромъ настигла телеграмма Ольги Леонардовны съ извѣстіемъ о кончинѣ А. П.—ча. Я съ ближайшимъ поѣздомъ поѣхалъ въ Баденвейлеръ и очень кстати пріѣхалъ: хотя власти и нѣкоторые проживающіе здѣсь русскіе усердно помогали ей, по все-таки было ужасно тяжело, и нужны совѣтъ и помощь. Пробуду здѣсь до завтрашняго утра, провожу тѣло до Фрейбурга, гдѣ вагонъ пріѣмлетъ къ скорому поѣзду на Берлинъ... Изъ моихъ телеграммъ вы знаете, какъ произошла кончина. Я лично въ Берлинѣ уже получилъ впечатлѣніе, что дни А. П. сочтены,—такъ онъ мнѣ показался тяжело больнымъ: страшно исхудалъ, отъ малѣйшаго движенія кашель и одышка, температура всегда повышенная. Въ Берлинѣ ему трудно было подняться на маленькую лѣстницу Потсдамскаго вокзала; нѣсколько минутъ онъ сидѣлъ обезсиленный и тяжело дыша. Помню однако, что, когда поѣздъ отходилъ, онъ несмотря на мою просьбу оставаться спокойно на мѣстѣ высунулся изъ окна и долго живалъ головой, когда поѣздъ двинулся. По пріѣздѣ сюда, въ Баденвейлеръ, онъ первые дни чувствовалъ себя бодрѣе, говорилъ о своихъ планахъ, мечталъ о путешествіи по Италіи и хотѣлъ вернуться въ Ялту черезъ Константинополь. Аннеттъ и сонъ были лучше, но уже на второй недѣлѣ здѣшняго пребыванія стали проявляться безпокойство и торопливость,—комната ему не нравилась, хотѣлось другаго мѣста. Они переѣхали въ частный домъ Villa Frederike, и тамъ повторилось то же самое: пара спокойныхъ дней, затѣмъ снова желаніе куда-нибудь подальше. О. Л. нашла прекрасную комнату съ балкономъ въ Hotel Sommer, и здѣсь онъ, сидя на балконѣ, любилъ наблюдать сцены на улицѣ. Особенно его занимало непрекращающееся движеніе у дома почты. „Видишь,—говорилъ онъ женѣ,—что значить культурная страна: все выходитъ и входятъ, каждый пьетъ и получаетъ письма“. Выѣзжалъ А. П. почти ежедневно съ О. Л. кататься въ лѣсъ; проѣзжая черезъ деревню, любовался крестьянскими чистыми домами и вздыхалъ: „Когда же у насъ такъ мужики будутъ жить!“ Такъ дни проводилъ до начала этой недѣли... А. П. производилъ впечатлѣніе серьезно больного, но никто не думалъ, что конецъ такъ близокъ. Д-ръ Швереръ (Schwöger), превосходно относившійся къ пациенту, на мой вопросъ, была ли кончина и для него неожиданной, отвѣтилъ утвердительно: до наступленія кризиса въ ночь съ четверга на пятницу онъ думалъ, что жизнь можетъ еще продлиться нѣсколько мѣсяцевъ, и даже послѣ ужаснаго припадка во вторникъ состояніе сердца еще не внушало большихъ опасеній, потому что послѣ впрыскиванія морфія и вдыханій кислорода пульсъ сталъ хорошъ, и больной спокойно заснулъ. Только въ ночь съ четверга на пятницу, когда послѣ перваго камфорнаго шприца пульсъ не поправлялся, стало, очевидно, что катастрофа приближается. Проснувшись въ 1 ч. ночи, Антонъ Павловичъ сталъ бредить, говорилъ о какомъ то матросѣ, спрашивалъ объ японцахъ. Но затѣмъ пришелъ въ себя и съ грустной улыбкой сказалъ женѣ, которая клала ему на грудь мѣшокъ со льдомъ: „На пустое сердце льда не кладутъ“.

Зналъ ли онъ раньше, что умираетъ? И да, и нѣтъ. Когда теперь вспоминаютъ о нѣкоторыхъ его выраженіяхъ, краткихъ и какъ будто брошенныхъ случайно (ему, вообще, въ последнее время заперещали долго говорить), возникаетъ предположеніе, что мысль о близости смерти у него явилась раньше, чѣмъ у окружающихъ: за нѣсколько дней предъ кончиной, когда онъ послалъ мнѣ въ Берлинъ чекъ для полученія денегъ у Мендельсона, А. П. распорядился, чтобы деньги были адресованы на имя его супруги, и когда О. Л. спросила его, почему это, онъ отвѣтилъ: „Да знаешь, на всякій случай“... Послѣднія его слова были: „Умираю“, и потомъ еще тише, по-нѣмецки, къ доктору: „Ich sterbe“... Пульсъ становился все тише... Умирающій сидѣлъ въ постели, согнувшись и подпертый подушками, потомъ вдругъ склонился на бокъ,—и безъ вдоха, безъ видимаго вѣшняго знака, жизнь остановилась. Необыкновенно довольное, почти счастливое выраженіе появилось на сразу помолодѣвшемъ лицѣ. Сквозь широко раскрытое окно вѣяло свѣжестью и запахомъ сѣна, надъ лѣсомъ показывалась заря. Кр. гомъ ни звука,—маленькій курортъ спалъ; врачъ ушелъ, въ домѣ стояла мертвая тишина; только пѣніе птицъ доносилось въ комнату, гдѣ, склонившись на бокъ, отдыхалъ отъ трудовъ замѣчательный человекъ и работникъ, склонившись на плечо женщины, которая покрывала его слезами и поцѣлуями. Въ видѣ собой любезности къ berühmter russischer Schriftsteller, хозяинъ отеля согласился оставить тѣло въ комнатѣ, но въ слѣдующую ночь его тайкомъ, черезъ задніе корридоры, вынесли въ часовню, гдѣ оно останется до отхода поѣзда въ Россію. Здѣшняя публика, и въ особенности, конечно, находящіеся здѣсь русскіе, очень сердечно отнеслись къ великой потерѣ. Телеграмма приходитъ за телеграммой, во всѣхъ слышится неподдѣльная скорбь и сознаніе, что не

стало великаго таланта и слишкомъ рано прекратилась эта жизнь, еще такъ много обѣщавшая“...